

Олег Басилашвили. Палата № 26. Больничная история. СПб.: Общественная организация «Санкт-Петербургская ассоциация содействия культуре», 2018. — 240 с.

В больнице, в отдельной палате, где не работает телевизор и отключен мобильный телефон, а тишину нарушает только мерный звук от капельницы, всплывают воспоминания: о детстве, о родителях, о работе в театре и кино, на радио и телевидении, о блистательных друзьях и о политике. Олег Басилашвили, артист, известный в нашей стране, наверное, каждому, размышляет о том, какими мы были до перестройки. «Да, видел, ощущал нелепость и лживость власти, да, возмущался... Но — не более... На кухне, за водочкой. Да, слышал я о каких-то «психушках», о диссидентах, о тюрьмах — но уходил в сторону: прочь все это — все, что будоражит совесть, что мешает жить...Идет война в Афгане — гибнут ребята, ну а что я, собственно, могу поделать?! Ничего...» А когда повеяло духом свободы — перестройка, гласность, — пришло осознание: так жить нельзя, надо что-то предпринимать, менять наши экономическую и политическую системы. И когда Лавров (худрук БДТ имени М. Горького), «блестя зеркальным взглядом, предложил мне баллотироваться в депутаты съезда народных депутатов РСФСР, я, не колеблясь, согласился». Чаще всего в своих мыслях автор, яркая фигура в демократическом движении России перестроечных лет, обращается к самому бурному периоду своей жизни — депутатской работе. Заседания Первого съезда народных депутатов РСФСР, выбор председателя Верховного Совета. Свои надежды на возрождение России демократы связывали с Ельциным. «Нет у нас равнозначного Ельцину другого лидера! Не будет Ельцина — будет стоять во главе коммунист, покатаемся назад, в советское прошлое: к репрессиям, дефициту повсеместному, запретам, к демагогии!..» Памятный митинг на Манежной площади под лозунгами «За начало реформ» или «Горбачева — в отставку!». «И человек двадцать нас, демократов, выходит через Спасские ворота на Красную площадь, чтоб пройти на Манежную, где гудит многотысячная толпа. ...Помню: Кучеренко, Куркова, Молоствов, Немцов, Дмитриев, еще человек пятнадцать... Степашин... И вот — мы идем по Горького, ныне Тверской, крепко сцепившись руками. За нами — больше шестидесяти тысяч с флагами, лозунгами... Толпы на тротуарах: „Ель-цин! Ель-цин!“» В кипучих страстях вносились в конституцию строки о частной собственности, принимался закон о культуре, решался вопрос о финансировании культуры из бюджета. Хитроумные методы, которые использовали демократы, чтобы отстоять свою точку зрения, показаны в ярких сценах, в диалогах, в репликах. Эта книга — не мемуары, нет последовательности в воспоминаниях, они возникают спонтанно, под воздействием и внешних «раздражителей»: пациентов и персонала больницы, дающих свои нелицеприятные оценки итогам реформаторских начинаний 90-х годов. «— Скажите, Петр Сергеевич, вот у вас своя ферма, автомобиль, торгуете. Ну что, а могли бы вы при советской власти купить такое, иметь ферму, торговать? — Да на хрен мне было торговать-то? У меня в армии зарплата, знаете, какая была? О-го-го! На хрен мне было тогда канавы-то копать! Моя работа — полком командовать да врагов этих ловить. На хрен мне эти свиньи!» Мысли автора постоянно возвращаются к одному и тому же: почему благие цели демократов — сделать так, чтобы люди жили лучше, — потерпели крах? Некомпетентность депутатов? Ошибочные решения реформаторов? Яростное сопро-

тивление коммунистов реформам? Своему демократическому выбору Басилашвили верен и сегодня: синюю птицу реформ Гайдара погубили те, кого народ оторвал от партийной кормушки. Гайдар не успел. Неразрешимым для Басилашвили, участвовавшим в разработке закона о культуре, остается противоречие: провозглашенная первыми депутатами молодой России свобода творчества и то, во что она обернулась. Толчок к размышлениям дает телевизор в больничной столовой: на экране то «Смехопанорама», то «какие-то голые тетки с венниками бегают, повизгивают! А кто-то бородатый, в камуфляже военном, сидя на серой лошади, поливает их шампанским из бутылки... На первом плане — карлик какой-то». «Три сестры» Чехова. Запрещать? Но как часто на корню уничтожали любую яркую форму. Мейерхольда, например. «А вот если говорить откровенно, все эти оригинальные концепции — это есть наглая попытка прикрыть отсутствие собственного профессионализма, неумение и нежелание работать с актером и, самое главное, зачастую — отсутствие таланта». Это мастерски написанная книга, композиционно выстроенная: яркие сценки и диалоги перемежаются с размышлениями, в ней есть место юмору, лирике, емким портретам бесконечно далеких от алчности близких людей актера, в окружении которых шла его частная жизнь. По словам филолога Б. Аверина, редактора книги: «В ней события личной жизни автора тесно переплетены с событиями историческими, ведь он был в центре происходящих изменений в стране. Картина меняющегося мира описана в „Палате № 26“ настолько живо, остроумно, интересно и таким ярким языком, что читается книга как увлекательный роман. Это настоящая литература».

Сергей Мамаев. Поиски вчерашнего дня. Истоки настоящего.

М.: Перо, 2018. — 472 с.: ил.

Сергей Мамаев говорит, что его книга — о памяти земли, о памяти людской, о тех, кто не дает земле, на которой мы живем, зарости травой забвения. Уроженец села Рождествено Истринского района Московской области (до революции — Звенигородского уезда), С. Мамаев давно изучает историю своего края. В этой книге он рассказывает о родном селе, известном с 1431 года, а в конце XVIII века подаренном Павлом I графу Кутайсову; о соседних селах и городах; о погибших деревнях, зданиях, церквях. Он утверждает, что «душа храма не исчезает, разрушены лишь камни», ведь издавна по церковным канонам место, на котором строился храм, освещалось еще до закладки первого камня. Герои его книги — люди известные и те, кто редко попадают в учебники истории. Среди них и бывшие владельцы истринских земель, и известные на всю Россию суконщики Цуриковы и Поповы, хозяева фабрики в селе Ивановское — устроители церквей, учебных заведений, больниц. Основатель фабрики П. Цуриков, родившись в семье крепостных крестьян, закончил жизнь потомственным дворянином. Автор пытается восстановить свою родословную, родословную семьи Мамаевых — Бусуриных. Основная же сюжетная нить — семейная история рода Кураевых. Интерес к этой истории вызвала необычная находка: в селе Ивановское автор вместе с ребятами из православной школы обнаружил старинное надгробие Никандра Акимовича Кураева — служащего Ивановской суконной фабрики. На мраморном надгробии удалось прочесть надпись: «Трудолюбивому и просвещенному служащему благодарная администрация фабрики». В Интернете по запросу на редкое имя все ссылки отправляли к документальной повести под названием «Жребий № 241», в основу которой легли письма к невесте врача казачьего полка, охранявшего забайкальскую железную дорогу во время Русско-японской войны 1904–1905 годов. Врача звали Николай Ни-

кандрович Кураев, автора повести, напечатавшего письма своего деда к бабушке, — Михаил Николаевич Кураев. О найденном надгробии С. Мамаев сообщил писателю. С того момента сложился творческий союз писателя из Петербурга и истринского краеведа, уже издавшего не одну книгу. Архивные материалы, выявленные краеведом, дополнились семейными преданиями. Эта книга похожа на лабиринт, где перекрещиваются судьбы людей разных поколений, связываются времена и отдаленные друг от друга территории. Истра, Курская губерния, Тарту, Томск, Игарка, Туркестан, Забайкалье... Ответвлениями сюжета стали биографии косвенно или напрямую соприкасавшихся с семейством Кураевых людей. Так, в начале 80-х годов XIX века часто бывал в Воскресенске (ныне город Истра) А. Чехов, где в школе служил его родной брат. Рассказано о судьбе основоположника российской нейрохирургии Н. Бурденко, поступившего на первый курс медицинского факультета Томского университета в 1897 году, в год, когда из этого университета на учебу в Харьков перевелся Н. Н. Кураев. Отдельный сюжет посвящен В. Ф. Войно-Ясенецкому — доктору медицины, профессору, архиепископу Луке, причисленному ныне к лику святых. Рядом с ним в городе Фатеж Курской губернии начинал свою врачебную деятельность выпускник Харьковского университета Н. Кураев, а его жена стала крестной первенца будущего святителя Луки. Перекликаются судьбы писателя В. Астафьева и деда автора, А. Мамаева: детство обоих прошло в Игарке. Большинство глав посвящено роду Кураевых. Никандр Акимович четверть века служил на суконной фабрике, его сын всю жизнь лечил людей, внук — более сорока лет отдал энергетике. Достоинно продолжили род и правнуки. Старший, Сергей, тридцать лет строил сооружения защиты города на Неве от наводнений. Михаил Кураев — известный писатель и сценарист. В книге много не только биографических ответвлений, но и экскурсов в прошлое: дореволюционный быт провинциальных городков; история Ивановской «красавицы фабрики», славившейся своей продукцией: «Столь дешевое сукно при том же качестве не мог сделать никто ни в России, ни за границей». Сыновья Никандра Акимовича обучались в Вифанской духовной семинарии, а значит, неизбежен очерк и о семинарии, и об ее учениках. Поводом для экскурса в историю студенческих волнений конца XIX века стало отчисление одного из братьев, Сергея, из Тартуского университета за участие в беспорядках. В судьбах героев книги отразилась вся сложная история нашей страны. Время мирного, дореволюционного созидания и последовавшие трагические разломы: революции, репрессии, войны. В разгар Гражданской войны семья врача Кураева оказалась в Фатеже, переходящем из рук в руки: червонные казаки, белогвардейцы, красные. В 1937 году был арестован последний настоятель храма Рождества Христова в Рождестве, свой мученический путь он проходил в 1930-х годах на строительстве Байкало-Амурской дороги. Неизвестному БАМу, Байкало-Амурскому лагерю, Бамлагу, посвящена отдельная глава. Дополняют книгу маньчжурские, написанные уже с фронта письма Николая Никадровича, не вошедшие в повесть «Жребий № 241». Не прерываются нити, связывающие прошлое и настоящее. С. Мамаев, выпускник Московского авиационного института, стал писателем, руководит школьным музеем в рождественской православной школе «Рождество». В свои исследования, призванные устранить наше «историческое сиротство», активно вовлекает учеников. Не прерываются и связи писателя М. Кураева со школой. Для учеников школы потомки рода Кураевых учредили именную стипендию с девизом: «Трудолюбивому и просвещенному». Церемонии вручения Большой Кураевской премии, на которых бывает писатель, стали органичной частью рождественского праздника. О дне сегодняшнем православной школы подробно рассказано в книге. В издание вошло свыше 400 иллюстраций: дореволюционные фотографии, документы, рисунки. Каждая из фотографий — окно в прошлое.

Эдуард Лимонов. Седого графа сын побочный: биографический роман.

СПб.: Лимбус Пресс, ООО «Издательство К. Тублина», 2018. — 192 с.: ил.

Эпатажный писатель Эдуард Лимонов решил разобраться в собственной родословной. Что ж, ситуация типичная: советские люди, как правило, люди без родословной: родители скрывали свое происхождение, опасаясь репрессий из-за «неправильной» сословной принадлежности, надеялись, что детям так будет легче вписаться в новую действительность. Были загадки и в семье Савенко — это подлинная фамилия писателя, взявшего псевдоним Лимонов. Оборванная фотография, где его молодая бабка, а рядом — только плечо военного и кусок тульи. На обороте тщательно срезанная надпись. Таинственные слова бабки, произнесенные лишь однажды: «прадед твой был кавалерийский офицер, осетин-сотник. ...Начальник личной охраны генерал-лейтенанта Звегинцева». Отец, Вениамин Иванович Савенко (1918—2004), который почти тридцать лет отдал армии, но, человек умный, толковый, любимый солдатами, карьеры так и не сделал. Да и вообще не «вписывался» в Красную армию: неуместный в Красной армии уход за ногтями, повышенная чистоплотность, природная деликатность. «Я просто хочу знать для себя, кто был мой дед Иван Иванович. Если окажется, что он был белогвардеец, то это обстоятельство объяснит, почему мой отец, человек и умный, и талантливый, не поднялся в армии выше капитана», — решил писатель и, разочаровавшись в своей текущей политической деятельности, в августе 2015 года отправился в городок Бобров Воронежской области, где в 1918 году родился его отец. Чтобы выйти на своих предков, он погрузился в архивные документы, в воспоминания, обратился к Википедии. И постепенно вырисовались лица, возникли фамилии, он увидел эполеты, должности, вычислил принадлежность к аристократии Российской империи своего реального прадеда. Такие расследования всегда напоминают детектив, где подлинные документы перемежаются с авторскими умозаключениями. А документы свидетельствовали: в 17 лет дед, Иван Иванович Савенко, служил конторщиком имения Масловка, в 25 — волостным писарем, а в 1909—1913 годах был унтер-офицером 53-го Донского казачьего полка. А после 1917 года скрыл всё: и происхождение, и образование — и безжалостно вырезал свое изображение из групповых фотографий 53-го Донского казачьего полка. При советской власти стал работником Губпродкома, занимавшимся изъятием излишков хлеба у крестьянства, борьбой со спекуляцией, учетом населения, посевами, скота, распределением продуктов среди нуждающихся граждан. Но главная тайна спряталась в начале жизни деда. Его настоящим отцом оказался не солдат Савенко, а дворянин, тайный советник, генерал-лейтенант, губернатор Александр Иванович Звегинцев, согрешивший с бывшей дворовой девкой, солдаткой Варварой из уездного города Боброва, недалеко от имения Звегинцевых Масловка. Покладистый отставной солдат Савенко записал новорожденного (как и двух прижитых в его отсутствие детей Варвары) на свою фамилию. Подтверждения писатель находит в документах, в логике событий и даже в сходствах на фотографиях самого деда и его потомков со Звегинцевыми. В книге приводятся документы, справки, фотографии, данные о распространенности незаконнорожденных в крестьянской среде, чьими матерями были преимущественно солдатки, мужей которых на очень долгий срок государство забрало в армию. В главе, посвященной роду Звегинцевых, инкорпорированы куски подлинных воспоминаний Д. Звегинцева (1880—1967), участника Гражданской войны на юге России, находившегося в ставке Белой армии: лирические воспоминания о родовом гнезде Масловка, яркие зарисовки Киева в 1917 году, сосредоточенных там политических группировок, уничтожительная характеристика Врангеля. Заглядывая в прошлое, Э. Лимонов понял, откуда берет нача-

ло его детская страсть к ботанике и к путешествиям. Среди далеких предков оказался и А. Звегинцев, руководитель экспедиции в Северную Корею, экспедиции, инициированной Генеральным штабом России в канун Русско-японской войны. А. Звегинцев привез из Кореи не только военно-топографические карты экзотических мест, но и диковинные цветы, среди прочих и «розу Звегинцева». Среди предков Э. Лимонова оказались: тайный советник, губернаторы, фрейлины Ее Императорского Величества, кавалергарды, осетин, служивший казацким сотником, и простые дворовые люди, крестьяне. Две его, условно говоря, «бабки» по отцовской линии, Елена и Надежда, были сестрами милосердия, и если Елена погибла в 1905 году от тифа в Харбине до революции, то Надежда — в 1920 году в белогвардейском отряде от красноармейской пули в живот. Но главное, «в процессе поиска настоящих родителей моего незаконнорожденного деда, я нашел нашу, мою Россию, страну жесткую, грубую, романтическую и страстную». А еще он пишет: «Пожил я до семидесяти с лишним лет с моей версией семьи, считал себя дворянкой и в соответствии с моим будто бы дворовым происхождением и поступал в жизни. В соответствии с ним заводил дружбы и устраивался с симпатиями и антипатиями». А как сложилась бы его судьба, если бы он с детства ощущал свою принадлежность к роду, существовавшему еще в допетровские времена? А как сложились бы судьбы многих из живущих в России, если бы они знали свои подлинные родословные?

Елена Первушина. Литературные герои на улицах Петербурга. Дома, события, адреса персонажей из любимых произведений русских писателей. М.: Центрполиграф, 2017. — 478 с.

В начале XVIII века молодой город на Неве, маленький, неуютный, редко упоминался в произведениях литераторов-современников. Одним из первых поэтов, в чьих стихах появляется образ новой столицы, стал сын молдавского господаря Антиох Кантемир, родившийся в Константинополе и переселившийся вместе с семьей в Россию в 1711 году. В своей поэме «Петрида, или Описание стихотворное смерти Петра Великого, Императора Всероссийского» он дал панораму любимого детища Петра: «Над бреги реки всходят искусством иреславным / Дома так, что хоть нов град, ничем худши давным». Но о себе как будущей культурной столице город заявил сразу: одним из поразительных «европейских новшеств», заведенных здесь, стал театр. «Комедийную хоромину» для всех «прилично одетых людей», то есть дворянской публики, устроила цесаревна Наталья Алексеевна, приехавшая в Петербург в 1708 году. Если ее с некоторыми оговорками можно назвать первой петербургской писательницей, то первым писателем — уроженца Киева Феофана Прокоповича. На петербургской сцене благодаря трудам Сумарокова русский зритель впервые увидел персонажей своей истории, трагедию Шекспира «Гамлет». Правда, трагедия приобрела счастливый конец — работая над пьесой Шекспира, Сумароков пользовался французским прозаическим переводом, сам вносил в пьесу некоторые изменения. В конце XVIII века литературная жизнь в Петербурге, да и по всей России, начинает бить ключом. Среди ее участников была и сама Екатерина II. Первым петербургским поэтам и писателям и посвящена первая глава книги: «Город-просветитель». Петербург, будучи столицей Российской империи, не раз становился местом действия русских произведений XVIII, XIX и начала XX века. О нем как о полноправном герое русской литературы и повествует Елена Первушина. Она рассказывает о том, где жили, бывали герои произведений русских писателей и сами авторы: конкретные адреса, улицы, здания. У каждой местности, у каждого дома — сохранившегося или нет — своя история, подробно изложенная Е. Пер-

вушиной. Ведет автор и расследования. Например, где находился тот Гостиный двор, о котором идет речь в комической опере М. Матинского «С.-Петербургский Гостиный двор» (1782 год)? Ведь в Петербурге XVIII века их было несколько. Но эта книга не стандартный путеводитель. Автора интересует, каким видели Петербург герои произведений и авторы этих произведений, как с ходом лет менялся облик Петербурга, его обитатели и их повседневная жизнь, а соответственно и образ Петербурга в литературе, и сюжеты романов и повестей. Е. Первушина следует по маршрутам литературных героев, воссоздавая прошлое бытие знакомых нам улиц и площадей. Петербург многолик. Иногда два разных Петербурга могут сосуществовать вместе, как «город-обличитель» Радищева и «город-сибарит» его современника Державина, как пушкинский «город пышный, город бедный» и «город-оборотень» Гоголя. Конечно, присутствуют в этой книге и Петербург Лермонтова, и Петербург Достоевского, и Петербург Блока. Герои книг зависимы от своих создателей: авторы описывали знакомые им улицы и уголки Петербурга, окрестные дачи, прототипами персонажей становились реальные люди, в основу сюжетов ложились реальные события. И Е. Первушина обращается к биографиям писателей, обнаруживая в них то, что легло в основу того или иного романа, той или иной повести. Она рассказывает, кто явился прототипом Акакия Акакиевича, чей призрак до сих пор является у Калинкина моста; о ресторанах и театрах, которые посещал Пушкин, а вместе с ним и Онегин; о том, как проходили маскарады у Энгельгардта. На одном из таких маскарадов завязалась история искренней любви, которую губит клевета: сюжет «Отелло», перенесенный Лермонтовым в светский Петербург. В книгу включены не только фрагменты из произведений писателей, но и отрывки из старинных путеводителей, и воспоминания современников авторов. Встречаются параллели, так яркое описание Сенной площади, Сенного рынка, не существующей ныне церкви во имя Успения Пресвятой Богородицы дал не только Достоевский, но и его современник, писатель В. Крестовский. В книге рассказано не только о произведениях, ставших хрестоматийными, но и о малоизвестных. Среди последних — небольшая, но очень смешная, полная остроумных «шпилек» пьеса Екатерины II «Чесменский дворец»; повесть В. Попугаева «Аптекарский остров, или Бедствия любви» — одно из многочисленных подражаний «Бедной Лизе» Карамзина, незаконченные произведения Пушкина. Не академическим слогом, живо, ярко Е. Первушина воссоздает историю становления современного русского языка под воздействием меняющихся реалий; историю русской литературы от начала XVIII века до начала XX века: переходы от классицизма к сентиментализму, романтизму и далее. Пересказом легенд о городе, возникшем на болотах, городе, которому не раз предвещали скорый конец, начинается свою книгу Е. Первушина. Заканчивает рассказом о стихах Блока, проникнутых магией петербургских окраин, где живет «Петербург тайный, вырастающий из „чухонского болота“, в котором бурлят подземные течения, таинственные силы природы, о которых так часто забываешь на проспектах и площадях большого города».

Дмитрий Мадуров. Серебряная Булгария. Основные вехи истории.

СПб.: Алетей, 2018. — 260 с.: ил.

Фактически мы сегодня знаем лишь историю русских княжеств, сильно мифологизированную поздними переписчиками, и не представляем их рубежей и того, что находилось в то время за этими границами, считает историк, культуролог Дмитрий Мадуров. А там, за пределами русских княжеств, в средневековье проживало множество народов, находилось значительное число городов и государственных образова-

ний. И одно из них — все еще таинственная так называемая «Волжская Булгария», чьи границы до сих пор неизвестны, как неизвестны и национальный состав этого государства, и история народов, его населявших. Истории этого государства со времени его возникновения до последней крупной победы над монголо-татарами в 1332 году и посвящена эта книга. Погружение в бушующий мир древности, в IX—XIII века. Движение народов на восточноевропейской части современной России, судьбы древних государств и народов. Хазары, болгары черные и белые, аскиль, сувары и барсилы, византийцы, русы-норманны. И ныне исчезнувший, довольно заметный в средневековые народ буртасы. Столкновения интересов, набеги, войны, политические интриги. И много вопросов, ответы на которые ищет автор. Насколько корректно название «Волжская Булгария»? Или все-таки это «Серебряная Булгария», многоэтническое, многонациональное государство Нухрат Палхар, границы которого отнюдь не совпадают с территорией современной Республики Татарстан? Кого понимают источники X века под термином «руссы»? И кто такие болгары? Откуда пришли огурские племена, основатели государства Нухрат Палхар, какие народы их составляли? В своих преданиях с народом сувар и болгар и государством Нухрат Палхар отождествляют себя чуваша. Автор обнаруживает генеалогическую связь болгарского и чувашского языков, чувашский язык — единственный живой язык, родственник болгарскому и хазарскому, что поверяется и топонимами. В «Записках» Ибн-Фалдана, одного из немногих арабских путешественников, лично посетивших Волжскую Булгарию (921—922), автор находит параллели в обрядах болгар и современных чувашей. Хотя Д. Мадуров убежден, что отдельные параллели найдутся и у других народов, входивших в болгарское государство: общее государство — общекультурное влияние. Сегодня практически любой памятник XI—XII веков в Волго-Окском междуречье трактуется как славянский. Но так ли это? Кто основал города Гороховец и Городец Радилев? Славяне или все-таки болгары? Разобраться в этом вопросе помогает реконструкция событий зимней кампании 1172—1173 годов: похода воеводы Бориса Жидиславича в Булгарию. Неизвестным и известным, масштабным и локальным битвам посвящено немало страниц. Это и походы Святослава в 963—964 годах, в войско которого входили норманны, скандинавы-руссы, игравшие заметную роль на подвластных хазарам территориях: задачей Святослава было открыть Волго-Донской волок для проникновения варяжских судов в Волгу и Каспий. Это и конец Хазарского каганата, внутренние и внешние причины развала и его последствия для подвластных каганату народов и его соседей. Это и походы русских князей во главе русско-половецкого войска на Волжскую Булгарию: к «Великому городу», столице серебряных болгар (1184), в районы рек Оки, Мокши и Костромы на рубеже XII—XIII веков. И, конечно, вторжение монгольской армии в Восточную Европу. Через десять лет, после краха на Калке в 1223 году самого крупного в истории объединения русско-половецкого войска, весной 1232 года болгары сумели остановить монголов, но ненадолго. Под натиском монголов болгарское государство погибло, а вместе с ним и его города, библиотеки, мастера, ученые и поэты. Распутывая сложные исторические узлы, Д. Мадуров обращается к сведениям всех ближайших современников описываемых событий, западноевропейским хроникам, русским летописям, чувашским преданиям, к топонимике. Разбирает противоречивые гипотезы историков. Указывает на стоящие перед исследователями проблемы: ошибки переписчиков, плоды политических конъюнктур в поздних списках, трудности в установлении дат и места действия. И ищет свои ответы. Сколько было Волг в древности? Средневековые источники путают или совмещают названия разных рек: под Волгой ранние летописи понимали и реку Мокшу. Где же произошла «битва на Калке» и каким был ход первого сражения русских и половцев с монголо-татарскими войсками? Решая географические ребусы, автор прокладывает маршруты воен-

ных походов, вычисляет расстояния между городами, возможное время прохождения войск, прибегает к старинным картам и трудам. Конечная цель автора — осознать исторический путь своего народа, чувашей, продемонстрировать его самобытность. Чем она, эта самобытность, ярче, тем цельнее и жизнеспособнее культура, тем интереснее народ и богаче культура России. В чем заключается богатство российской культуры? В ее многообразии и древности.

Наследие. Избранное. Т. 1. — СПб.: АО «СПВ», 2018. — 320 с.

К своему 290-летнему юбилею старейшая русская газета «Санкт-Петербургские ведомости» (выходит с 1798 года) подготовила читателям подарок: первый том из запланированной серии книг, получивший название в честь одноименной рубрики, повествующей об истории Петербурга, России и мира. Рубрика «Наследие» ведет свою историю с 1980 года, основал ее журналист и краевед Б. Метлицкий. В издание вошли лучшие публикации из рубрики «Наследие» за последние двадцать пять лет: статьи о знаковых событиях прошлых лет, малоизвестные факты из подлинной истории Петербурга и России, неизвестные эпизоды из жизни города на Неве. И рассказы о том, как, когда, при каких обстоятельствах появлялось то, к чему мы так привыкли в нашей повседневной жизни. Например, туристические агентства. «Турист — это англичанин, путешествующий вокруг света» — так трактовал это слово один из русских словарей в 1837 году. В России первым попечителем о путешествующих стал содержатель «благородного пансиона» В. Генш, в декабре 1777 года давший объявление, что он собирает группу молодых дворян для познавательной поездки по Европе. Состоялась ли поездка, неизвестно, но следующая информация об отечественных организаторах путешествий датируется 1862 годом. 4 декабря 1828 года Николай I подписал положение «Об учреждении в С.-Петербурге заведений для подаяния скорой помощи внезапно обмирающим и повреждаемым людям», в 1913 году «Скорая помощь» была оснащена первым автомобилем. Точно известен день рождения городской почты: 17 января 1833 года. С 1882 года петербуржцы разговаривают по телефону, опередили их только — на четыре года — американцы. Были в истории города и проекты неосуществленные, как, например, предложенная в феврале 1901 года инженером путей сообщения К. Кашкиным подвесная дорога между Петербургом и Москвой. Авторы статей, люди, петербуржцам известные: Сергей Глезеров, Наталия Гречук, Дмитрий Шерих. У каждого из них свой «конек». Ключевая тема публикаций С. Глезерова — история северных окрестностей, дачная жизнь Петербурга, городской быт начала XX века. Задача Д. Шериха — выйти за пределы традиционного для петербургского краеведения уклона в историю архитектуры. У Н. Гречук особый жанр: в основе ее рассказов лежат конкретные архивные снимки. Исторические фотографии, представленные в книге, широкая публика нередко впервые увидела на страницах газеты. На фотографиях — столичные дворники (появившиеся на Руси еще в XVI веке для «дворового оберегания»), швейцары, уличные разносчики, таксисты. Каждый снимок — повод для обстоятельного рассказа. Вот снимок: служащие конторы акционерного общества писчебумажных фабрик «Кюммене», один из них говорит по телефону, для автора это возможность поведать о работе Городского управления телефонной сети. Почему там работали только незамужние барышни? Еще недавно актуально звучала жалоба столетней давности: «Приходится по целым годам дожидаться очереди включения абонента в телефонную сеть, хотя оно должно последовать через две недели после поступления заявления». С появлением мобильных телефонов эта проблема сходит на нет. Вот еще снимок — Средний проспект Васильевского острова, на первом

этаже вывеска парикмахерской, снова повод: поговорить и о парикмахерах, и о секретах красоты наших прапрабабушек. Мелочи жизни, из которых складывается жизнь большого города, будни и праздники. Великое «истребление блинов», гастрономические удовольствия Масленицы, во время которой от блинного чада на черных лестницах чихали коты. А еще — балаганы, кулачные бои, снежные горки, катание на санях. Вербная неделя и вербные базары — на Конногвардейском бульваре, на Малой Коношенной улице, у Ямского рынка, у Гостиного двора. Сочельник, «зеленые святки» на Троицын день, первоапрельские розыгрыши, когда разыгрывали приближенных цари, разыгрывали и царей. Текущие бытовые проблемы: состояние мостовых, водопровода, скверов, люди-сэндвичи в начале 1910-х годов на улицах Петербурга. И очень знакомые проблемы: капризы природы — жара, обледенение тротуаров, обмеление Невы, наводнения, переименования улиц; телефонное хулиганство — сообщения о многих пожарах, вызовы врачей туда, где их никто не ждал; врачеватели от всевозможных болезней; швыряние стакана как думский аргумент. И главный дефект интеллигентного петербуржца начала XX века — животик. И рассказы о том, как справлялись с этими и другими проблемами (хулиганы, воришки, нищенство) наши предки. Есть что у них и позаимствовать. Например, необычный «конкурс на красоту домов» 1907 года, устроенный Городской управой. Победителями стали дома, принадлежавшие компании Зингер на Невском, художнице Е. Зарудной-Кавос — на Каменноостровском, 24а, архитектору Ф. Лидвалю — на Каменноостровском, 1—3, самой Городской управе — на Садовой, 57 и балерине Матильде Кшесинской — всем известный. Еще прекрасная традиция — «День древонасаждения», введенный Николаем II в 1898 году: в мае и сентябре питомцы учебных заведений не только столицы, но и других городов России высаживали деревья на улицах своих городов. Тексты в книге словно перекидывают мостик между прошлым и настоящим, призывая ценить наше наследие.

Публикация подготовлена
Еленой ЗИНОВЬЕВОЙ

Редакция благодарит за предоставленные книги
Книжную Лавку Писателей
(Санкт-Петербург, Невский пр., 66, т. (812) 640-44-06,
www.lavkapisateley.spb.ru)